

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 330. 01

Л.В. Кусургашева

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК НАУКА

Современная экономическая реальность, сформированная и продолжающаяся формироваться в результате радикальных рыночных преобразований, начатых в 90-е годы XX в. (и еще раньше – в период перестройки), обуславливает необходимость переосмысления многих прежних представлений о роли и значении науки в развитии общества. Общеизвестно, что основу рыночных реформ в России составила так называемая либерально-монетаристская модель, итоги реализации которой оцениваются большинством специалистов скорее негативно, чем позитивно. В чем причина этого? Ответов на этот вопрос множество, начиная с того, что монетаризм не соответствовал пореформенным условиям России и, заканчивая тем, что трансформация в России проходила спонтанно, без какого-либо теоретического обоснования.

Сложность и дискуссионность большинства трансформационных проблем, актуализировали весь комплекс вопросов, связанных с логико-методологическим и историко-научным анализом экономической теории, которая, как принято считать, является теоретической основой экономической политики.

Логико-методологический анализ – это статический анализ, т.е. анализ теории как готового, завершенного *результата* (теория как особая форма знания, её структура, функции и т.п.); историко-научный анализ рассматривает динамический аспект теории, предполагающий

анализ её как познавательного *процесса* (становление теории, факторы её развития, соотношение эволюционных и революционных периодов и т.п.).

Логико-экономический анализ включает прежде всего исследование экономической теории как науки.

Под наукой будем понимать общепринятое определение её как особой формы человеческой деятельности, направленной на описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности. На определенном этапе развития общественного разделения труда наука отделилась от других видов человеческой деятельности. Её главные отличия состоят в том, что, во-первых, она представляет собой форму общественного сознания и, во-вторых, она основывается на рациональных (научных) методах.

Будучи исторически развивающейся формой знания, наука, возникнув как единая, целостная система, в дальнейшем дифференцировалась, что привело к возникновению отдельных отраслей знания или отдельных частных наук.

Этот объективный процесс дифференциации единой прежде науки сопровождался самопознанием каждой отдельной частной науки, выражавшимся в осознании собственных теоретических оснований, методов, исследовательских приемов и, главное – в определении своего специфического предмета.

Теория как высшая, самая развитая форма организации научного знания отличается от других его видов (эмпирическое

знание, гипотеза) прежде всего своим объективным содержанием, которое заключается в том, что основной функцией теории является отражение сущности явлений и процессов. Конечной целью всякой теории выступает создание объективного, целостного представления об определенном фрагменте действительности. Это означает, что отдельные объекты этого фрагмента должны рассматриваться в их внутренней связи и обусловленности, вытекающих из их внутреннего единства.

Определить это внутреннее единство некоторой совокупности явлений и процессов, объединяющее их в единое целое и одновременно обособляющее от других явлений и процессов – значит выделить предмет исследования той или иной теории и, следовательно, определить её как особую науку.

Более конкретно дать определение предмету науки, означает ответить на вопрос о том, какие проблемы изучает данная наука, какие задачи ставят перед собой экономисты и с какой целью они это делают. Тем самым осознанно или неосознанно научное сообщество определяет для себя смысл своей деятельности, осознает её практическое значение и очерчивает возможности и границы применимости теории на практике. Можно, поэтому сказать, что через определение предмета науки устанавливается определенное соотношение между теорией и практикой. Л. Роббинс, давший, как считается, классическое определение экономической теории, обосновы-

вая необходимость специального рассмотрения её предмета, среди прочих причин выделил и этот важнейший для самоопределения науки аспект: «...если мы хотим плодотворно применять нашу теорию и правильно понимать, в каких отношениях она находится с экономической практикой, нам совершенно необходимо знать, в какой области и при каких ограничениях действуют теоретические положения» [1, с.11].

Определение предмета экономической теории, несмотря на то, что это должно выступать логически исходным пунктом для любого экономического исследования, довольно часто является или неопределенным, или слишком узким, или, наоборот – слишком широким, или вообще заменяется перечислением анализируемого круга вопросов. Для примера сошлемся на П. Самуэльсона, который приводит пять определений экономической теории и при этом утверждает, что этот список можно во много раз удлинить:

«1. Экономическая наука есть наука о видах деятельности, связанных с обменом и денежными сделками между людьми.

2. Экономическая теория есть наука об использовании людьми редких или ограниченных производительных ресурсов ... и распределения их между членами общества в целях потребления.

3. Экономическая теория есть наука о повседневной деловой жизнедеятельности людей, извлечения ими средств к существованию и использованию этих средств.

4. Экономическая теория есть наука о том, как человечество справляется со своими задачами в области потребления и производства.

5. Экономическая теория есть наука о богатстве» [2, с.6-7].

Для отечественной экономической науки проблема

предмета актуализировалась в связи с её кризисным состоянием и поиском новой парадигмы. Вопрос о новой парадигме был поставлен в начале рыночных преобразований и до сих пор не получил никакого разрешения. Одной из причин этого является, на наш взгляд, неопределенность в отношении предмета экономической теории. Отказ (по крайней мере, официальный) от марксистской идеологии и попытка перехода к западной научной традиции породил ситуацию, которую можно назвать парадоксальной. Как известно, К. Маркс считал, что политическая экономия должна изучать производственные отношения, т.е. отношения, складывающиеся между людьми в процессе общественного производства. Экономикс, начиная с Л. Роббинса, дает следующее определение своего предмета: «Экономическая наука – это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [1, с.18].

Исходя из того, что экономикс в России стал официальной наукой, определение его предмета должно быть доминирующим. Однако на деле в отечественной научной и учебной литературе используются: 1) марксистское (политэкономическое) определение: «Предмет этой науки – экономические отношения, т.е. отношения между людьми и социальными группами, которые складываются в производстве, распределении, обмене и потреблении благ»[3, с.36- 37]; 2) определение экономикса: «Экономическая теория изучает деятельность людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономических благ в условиях альтернативности целей и возможностей использования редких ресурсов» [4, с.29]; 3) смешанные определения, соединяющие то и другое: «...общая экономическая

теория есть наука о производственных отношениях между людьми в условиях ограниченности ресурсов» [5, с.30]. Парадоксальное положение, связанное с множественностью предметов экономической теории, российские экономисты пытаются преодолеть двояким образом:

1. Большинство экономистов признает, что предметы политической экономии и экономикса разные. Следовательно, это разные науки с разными онтологией и гносеологией. Здесь можно выделить две группы экономистов, которые делают из этого неодинаковые выводы. Одни экономисты считают, что, хотя предметы этих наук разные, но т.к. объект один – экономика, то возможен их синтез путем «... все более глубокого проникновения стомости в различные теории маржиналистского толка, и в плане широкого использования маржиналистских методов в классической теории» [6, с.108]. Другая группа экономистов утверждает, что вообще существует только одна наука – политическая экономия, а экономикс является по отношению к ней частным случаем. Различие между ними видится в различных логико-структурных уровнях анализа: классическая политическая экономия – сущность, внутренняя основа явлений; экономикс – сфера мира явлений, их функциональные взаимозависимости [7, с.366]. Следовательно, экономикс должен быть «включен» в политическую экономию на правах более «низшей» теории, изучающей поверхностные хозяйствственные отношения. «Поскольку внутреннюю форму изучает именно политическая экономия, синтез (политической экономии и экономикса – Л.К.) возможен только на её основе, а экономикс должен играть дополняющую роль» [8, с.13].

2. Вторая позиция стоит в том, что существует всеобщий (общий) предмет эко-

номической теории, но в рамках этого предмета есть частные (конкретные, специфические) предметы, которые не сводятся друг к другу, образуя, таким образом, некий «плурализм» экономической теории. Так, например, О. Ананын утверждает, что при переходе от классической политической экономии к маржинализму (экономиксу) произошло не изменение предмета экономической теории, как обычно считают, а «формирование новых предметных областей, и соответственно, новых научных дисциплин, изучающих один и тот же объект – экономику» [9, 56]. Иными словами, начиная с маржинализма (и даже раньше – с исторической школы) в рамках экономической науки существуют разные науки с разными предметами, и это нормальное явление, способствующее более точному и адекватному представлению об объекте исследования.

Автор присоединяется к этой точке зрения, считая, однако, что признание общего и частных предметов в экономической теории – это только начальный пункт содержательного анализа данной проблемы. Представляется, что решению подлежат следующие два вопроса: во-первых, что придает единство и целостность экономике как объекту экономической теории и соответственно, что является основой для гносеологического преобразования «объекта» в «предмет»? и, во-вторых, что составляет общий предмет экономической теории и как соотносятся с ним частные предметы?

Общеизвестно, что объект экономической теории – экономика, экономическая деятельность людей. Будучи сложнейшей подсистемой общества, экономика не может изучаться непосредственно, так, как она представляется обыденному взгляду. В этом случае она была бы простым нагромождением многочисленных реальных объ-

ектов и вещей (фабрик и заводов, мостов и дорог, государственных учреждений и т.п.), явлений и процессов (спроса, предложения и цены, инвестирования, разделения труда и т.п.), субъектов (потребителей и производителей, рабочих и капиталистов, домохозяйств и т.п.). Чтобы привести все это хоть в какую-то систему, требуется применить специальные методологические приемы для создания определенной теоретической схемы, исходные признаки которой «...всегда характеризуют наиболее существенные черты исследуемой в теории предметной области» [10, с.111]. Речь, следовательно, идет не о простом выделении какого-то фрагмента экономики, который подлежит исследованию, а о теоретическом преобразовании объекта в предмет. О.Ю. Мамедов специально подчеркивает, что только таким образом вообще возможно теоретическое освоение объекта: «Нечто доступно теоретическому познанию лишь в той мере, в какой оно – искусственно, в пределах гносеологии! – преобразовано, приведено в «теоретическое состояние». Такое преобразование есть операция по превращению «объекта» в «предмет», осуществляемая в процессе движения познания от «конкретного» к «абстрактному». И хотя «абстрактное» всегда и неизбежно есть «рационально-искаженная» реальность, иного способа подобраться к объективному миру не существует» [11, с.173]. Автор данной цитаты не зря, видимо, применил кавычки, говоря о движении от конкретного к абстрактному, поскольку «операция по превращению объекта в предмет» – это не простое движение от реальной экономики («конкретное») к абстрактной теоретической схеме (предмет), а определение самой сути экономики, её основного содержания.

Если мы выделим суть экономики (экономического), то

тем самым определим то внутреннее единство, которое придает целостность различным экономическим явлениям и процессам, обуславливает их специфику и отделяет их от других (неэкономических) явлений и процессов. Представляется, что эта задача может быть решена посредством выделения генетической основы экономики, из которой она и вырастает.

Начнем с того, что экономическая деятельность людей в самом простом и общем виде может быть представлена как деятельность, направленная на удовлетворение потребностей, необходимых для поддержания жизни человека. Представленная в таком виде деятельность есть труд. Целью труда является его результат – продукт, удовлетворяющий потребности человека. И для отдельного человека и для сообщества людей жизненно необходимым является не качественное содержание самого процесса труда, а получение результата с наименьшими затратами. Следовательно, содержание трудовой (экономической) деятельности в своем простейшем виде сводится к минимуму затрат, а количественное сравнение затрат и результатов составляет основное содержание экономической деятельности. Это именно та всеобщая, генетическая основа, из которой и вырастает экономическая система общества.

Если мы возьмем отдельного человека, то принцип сравнения затрат и результата будет означать, что человек ведет себя экономически, если он сравнивает свои затраты (рабочее время) на производство отдельных видов продуктов и выбирает те из них, которые доставляют ему наибольшее благополучие (пользу). Если же речь идет о сообществе людей, то здесь, исходя из этого же принципа происходит распределение имеющихся в распоряжении общества ресурсов по видам труда в соответствии с объемом и структурой общественных

потребностей. И именно в этом процессе возникают особые, специфические – экономические отношения.

Безусловно, что степень развитости экономического принципа поведения и экономических отношений неодинакова на отдельных этапах развития человеческого общества. Так, в натуральном хозяйстве экономический аспект деятельности не преобладал в поведении людей, которое детерминировалось во многом непосредственно личными отношениями, традициями и обычаями. В целом «в этих условиях устанавливается субъективно определяемое соответствие между трудовыми затратами и ценностью продуктов труда каждого хозяйствующего субъекта» [7, с.544]. Хотя и в традиционных обществах экономический аспект деятельности проявлял себя, но спорадически, в пределах развивающихся товарно-денежных отношениях.

В капиталистическом рыночном хозяйстве экономические отношения получают свое наиболее полное развитие, становятся действительной основой общества. Соответственно, принцип сравнения затрат и результатов реализуется не субъективно, посредством личных связей и отношений, а объективно, через внешнюю для каждого человека оценку. Таким внешним, объективным механизмом соотношения затрат и результатов являются при капитализме ставшие всеобщими товарно-денежные отношения. Последние есть адекватный способ выражения сути экономических отношений между людьми, поскольку именно в форме товарно-денежных отношений происходит отрицание качественной определенности труда (абстрактный труд) и через обмен товарами становится возможным количественное уравнивание затрат труда и его результата.

Таким образом, генетическая основа экономики (сравне-

ние затрат и результата) развилась в капиталистическом способе производства в систему товарно-денежных отношений. Товарно-денежные отношения – это капиталистические производственные отношения и именно они придают целостность, специфику и образуют границу экономической деятельности при капитализме. Поэтому производственные отношения являются общим предметом экономической теории. Советские экономисты отмечали в свое время такой важный факт, что абстракция производственных отношений не носит умозрительный характер, не является чисто искусственной операцией выделения их из всей системы общественных отношений. Выделение производственных отношений «...определяется фактическим положением, которое производственные отношения занимают в системе всех общественных взаимосвязей, функцией, которую они в ней выполняют. По сути дела общество как целое «создает» предмет политической экономии, выделяя (абстрагируя) производственные отношения в качестве основы собственного развития» [12, с.39].

Экономисты до Маркса, объявляя предметом своего анализа богатство, фактически исследовали экономические отношения. Это положение обосновано в ряде работ отечественных экономистов. Так, В.В. Радаев утверждает, что «...не только К.Маркс, но и все экономисты исследуют на самом деле не материальный субстрат богатства, не использование его отдельным индивидом, а именно экономические (производственные – в широком смысле) отношения людей» [13, 89]. Действительно основные категории системы Смита (стоимость, деньги, заработка плата, прибыль, капитал и т.д.) есть не что иное как отношения людей, опосредованные движением вещей. Д. Рикардо прямо заявляет, что предметом поли-

тической экономии являются законы, управляющие распределением национального дохода между классами. А законы – это не материальная вещь. А существенные связи между людьми. Маржиналисты, хотя и исходили из принципа индивидуализма, казалось бы исключавшего из анализа отношения людей, тем не менее исследовали их (выраженных в таких понятиях как меновая стоимость, цена и других).

Наконец, что касается «классического» определения Роббинса. В последнее время в отечественной литературе появились публикации, в которых показано, что «...вопреки распространенному мнению позиция Роббинса не означала полного разрыва с экономической традицией» [14, с.7].

Российские экономисты, говоря о преемственности позиции Роббинса и предшествующих экономистов (фактически о преемственности предметов политической экономии и экономикса), имеют в виду, что объект изучения, постулируемый Роббинсом, остался прежним (материальные блага, т.е. богатство), однако: 1) изменился ракурс его рассмотрения – целереализация, а не целеполагание (О. Ананьев); 2) изменилась задача – рассмотрение не просто роста богатства, а изучение путей решения этой задачи в условиях ограниченности материальных ресурсов (А. Нестренко); 3) выдвинул на первый план определенный аспект человеческой деятельности – рациональный выбор, оставив за бортом все, что к нему не относится – обычаи, привычки и т.п. (В. Радаев).

К сказанному выше добавим, что Роббинс исключил из предмета экономической науки не только обычаи и привычки, но и общественную (социальную) природу экономики. Тем самым представители экономикса получили формальное право не рассматривать вопросы, относящиеся к социальной

справедливости и равенству, распределению доходов как социально-экономическому явлению, воспроизведству общественного капитала, связанному с условиями сохранения капиталистических производственных отношений, экономической политике и многим другим. Однако, экономикс в той или иной мере обращается к этим проблемам, поскольку с их формальным запретом специфика экономической реальности не исчезает и пробивает себе дорогу, несмотря на все идеологиче-

ские преграды и препоны.

Суммируя все доводы за и против трактовки предмета Роббинсом, В. Автономов отмечает, что он одновременно расширил и сузил его: «Расширил – потому, что наряду с хозяйственной деятельностью в привычном понимании в поле зрения экономистов попали все виды рационального выбора, которые человеку приходится делать в жизни... Сузил – потому, что из поля зрения экономистов выпали многие виды хозяйственной деятельности, под-

чиненные не рациональному выбору, а традиции, нормам и обычаям, т.е. значительная часть хозяйственной жизни как при докапиталистических порядках, так и в самой рыночной экономике» [15, с.17].

Таким образом, предмет экономикса можно рассматривать в качестве частного определения экономической науки, которая в широком смысле слова изучает экономические (производственные) отношения людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 10-23.
2. Самуэльсон П. Экономика. Т. 1. М.: Алгон, 1993. 333 с.
3. Борисов Е.Ф. Экономическая теория. М.: Юристъ, 2000. 567 с.
4. Курс экономической теории / Под общ. ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. Киров: «АСА», 2002. 752 с.
5. Баликоев В.З. Общая экономическая теория. Новосибирск: Лада, 2000. 678 с.
6. Хубиев К. Еще раз об «экономикс»: не сотвори себе кумира // Российский экономический журнал. 2000. № 5-6. С. 105- 112.
7. Экономическая теория на пороге XXI века-2 / Под ред. ЮМ. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. М.: Юристъ, 1998. 768 с.
8. Логачев В.А. Всеобщая экономическая форма научно-технического развития. Кемерово: Кузбас. гос. техн. ун-т, 2000. 116 с.
9. Ананьин О. Может ли наука быть руководством к действию? // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 48- 63.
10. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: «Прогресс – Традиция», 2000. 744с.
11. Мамедов О.Ю. Смешанная экономика. Двухсекторная модель. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. 224 с.
12. Экономическая теория – хозяйственной практике / С.Н. Мареев, В.И. Панченко, А.К. Покрытан, Г.П. Солодков. М.: Экономика, 1990. 238 с.
13. Содержание, логика и структура современной экономической теории / Под ред. К.А. Хубиева. М.: Экономический факультет, ТЕИС, 2000. 274 с.
14. Нестеренко А. О чём не сказал У. Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности // Вопросы экономики. 2001. С.4- 17.
15. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998. 230 с.

Автор статьи:

Кусургашева
Людмила Васильевна
- канд. экон. наук, доц. каф.
экономической теории
экономических специальностей